

© 1998 Е.В. РАХИЛИНА

**СЕМАНТИКА РУССКИХ "ПОЗИЦИОННЫХ" ПРЕДИКАТОВ:
СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ И ВИСЕТЬ***

1. ВВЕДЕНИЕ: ЯЗЫКИ КЛАССИФИЦИРУЮЩИЕ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ

В отношении местонахождения объекта языки ведут себя по-разному, в зависимости от того, какую из двух основных тенденций – универсальную или классифицирующую – данный язык предпочитает. Универсальная тенденция предполагает, что в языке есть один главный локативный предикат, который описывает любое локативное состояние независимо от типа объекта¹. Подобным образом устроен, в частности, французский язык, использующий в качестве такого предиката глагол *être*.

Наоборот, если в языке господствует классифицирующая тенденция, то в нем одно и то же локативное состояние может описываться разными предикатами, в зависимости от того, об объекте какого типа идет речь: разные объекты требуют для своего описания разных предикатов. Иными словами, чтобы в таком языке выбрать лексему для описания ситуации 'некто находится в горизонтальном положении', нам нужно знать, о каком объекте идет речь: человек ли это, животное, дерево, и т.п. Так устроены грузинский, некоторые дагестанские языки, многие языки американских индейцев (в том числе навахо). В них глаголы местонахождения как бы классифицируют предметную лексику, различая объекты внешнего мира по одушевленности, форме и проч. – поэтому такие глаголы и называют классифицирующими².

2. ЛОКАТИВНЫЕ СОСТОЯНИЯ И ТОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

К какому же типу ближе русский язык – к классифицирующему или универсальному? Специалисты в области иностранных языков, прежде всего французского, отмечали в русском классифицирующие тенденции (см., в частности, [Гак 1988]; ср. также [Апресян 1995: 17–18]). В настоящей работе эта проблема обсуждается на примере трех основных так наз. "позиционных" (ср. англ. термин "stance verbs")

* Данная работа выполнена при поддержке фонда Research Support Scheme of the Open Society Institute (грант № 49/94) и Российского Гуманитарного научного фонда (грант № 97-04-06380а). Автор благодарит Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюнову, Т.В. Булыгину, Д. Вайса, Б. Нильссон, В.А. Плуниан, К. Серра Борнето, А. Ченки и Л. Экберг, в разное время принимавших участие в обсуждении основных положений данной работы.

¹ Более того, как полагают некоторые исследователи (прежде всего, сторонники так называемой локалистской гипотезы, ср. обзор в [Cienki 1996]), с течением времени в языке другие типы состояний (прежде всего, эмоциональные) "заимствуют" средства выражения у локативных состояний (ср. здесь русск. *Он в комнате – Он в гневе*); в таких случаях область действия универсального предиката может оказаться еще шире.

² Интересно, что в некоторых америндских языках так устроена не одна семантическая группа, а практически вся глагольная лексика. При этом поведение глаголов (в том числе и в отношении классов имен, которые они выделяют) оказывается близко к поведению так называемых классификаторов – обязательных "спутников" имени в счетных и нек. др. конструкциях, задающих (семантический) класс объекта (подробнее см. обзор в [Плуниан, Романова 1990]).

локативных предикатов русского языка: *стоять, сидеть, лежать*. В русском языке эти глаголы описывают прежде всего три разных положения человека в пространстве: вертикальное – *стоять*, горизонтальное – *лежать* и в некотором смысле промежуточные положения человека, которые условно можно назвать "сложенными" – *сидеть* (ср. разные положения человека, описываемые этим последним глаголом: *сидеть на стуле, сидеть верхом, сидеть на полу, сидеть на корточках, сидеть по-турецки*). Эти же глаголы в русском языке применимы к описанию животных; как и следовало ожидать, положения животных при этом уподобляются положениям человека. Так, по-русски говорят *собака лежит на коврике, конь стоит в стойле, лягушка сидит на дорожке и под*.

Конечно, совсем не все животные могут, как человек, менять свое положение в пространстве, поэтому если к существительному *собака* могут быть применены все три предиката – *собака стоит/лежит/сидит*, то, например, живая лягушка описывается только одним способом, ср.: **лягушка стоит/лежит*. В подобных случаях можно было бы считать, что таким образом устанавливается некая классификация животных – по их форме и обычным положениям в пространстве, – иначе говоря, по их *топологии*³ и что эта классификация в дальнейшем будет переноситься и на неодушевленные объекты. А именно: выделяются, с одной стороны, вытянутые вверх, вертикально ориентированные объекты – к ним применим предикат *стоять* (ср. *шкаф, дерево, стена, фонарь* и под.) и, с другой стороны, плоские, горизонтально ориентированные объекты – их описывает предикат *лежать* (ср. *коврик, поваленное дерево, доска, снег под ногами* и др.). Отсюда естественно было бы сделать следующий вывод: если центральными, "прототипическими" употреблениями для *стоять, лежать* и *сидеть* являются те, что описывают человека, то расширение центра происходит за счет сходной с человеком топологии других объектов (ср. описание похожих механизмов в [Hawkins 1988]).

Надо сказать, что такая точка зрения представлена в лингвистической литературе, причем самого недавнего времени: см. [Serpa Borneto 1996] (правда, в этой статье идет речь не о русских, а о немецких глаголах *stehen* 'стоять' и *liegen* 'лежать'; аналогичная "пространственная" интерпретация русского материала предлагается в [Кравченко 1996]). Стержнем, основной теоретической идеей в этом случае оказывается "сплошная" метафоризация противопоставления вертикальности и горизонтальности, которая должна охватывать абсолютно все случаи употребления позиционных предикатов, несмотря на то, что многие из них отстоят от прототипа достаточно далеко. Ср., например, *деньги лежат* (а в немецком языке – *стоят*) *на счете в банке*; в таком случае этой ситуации тоже навязывается метафора горизонтальности (или вертикальности) счета. Кроме того, в стороне оказывается предикат *сидеть*, сразу нарушающий дихотомию вертикальность/горизонтальность; в статье Серра Борнето предикат с таким значением не рассматривается.

В настоящей работе мы предлагаем принципиально другой подход к описанию позиционных предикатов, прямо не связанный с их зрительным прототипом, но при этом, с нашей точки зрения, вернее предсказывающий сочетаемое поведение различных представителей этой семантической группы глаголов.

3. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТОПОЛОГИИ

Прежде всего, обратим внимание на то, что есть достаточно много примеров, выходящих за рамки топологического объяснения, ср.:

В конце предложения стоит точка

На столе лежат помидоры

Пробка крепко сидит в бутылке

Пыль стоит столбом

³ О роли "лингвистической топологии" в описании наивной картины мира см. прежде всего [Talmy 1983].

Пирог сидит в печке

Передо мной лежит пропасть, и др.

Очевидно, что топологические свойства данных объектов таковы, что сами эти объекты не укладываются в классификацию, о которой мы только что говорили: точка не является вертикальным объектом, пропасть – горизонтальным, пирог – "сложенным" и т.п. Очевидно и то, что если, говоря о человеке, мы имеем в виду три его *разных*, противопоставленных друг другу положения, то в этих примерах речь идет, в сущности, об *одном и том же* (а именно, *неподвижном*) положении в пространстве, и тем не менее, в одних примерах используется глагол *стоять*, в других – *лежать*, в третьих – *сидеть*, причем без возможности заменить одно на другое.

Как представляется, эти примеры свидетельствуют о том, что расширение значения глаголов происходит не только за счет (топологических) типов *объектов*, но и за счет типов *ситуаций*, т.е. семантики самих глаголов. Если наша гипотеза верна, значит в семантике *стоять*, *сидеть*, *лежать* есть некоторые нелокативные компоненты (не замеченные нами раньше), дополнительно характеризующие положение в пространстве, в том числе и человека. Эти компоненты значимы для глаголов во всех их употреблении, хотя в "центральных", прототипических контекстах они не имеют большого семантического веса. Между тем, большинство локативных ситуаций с неодушевленными объектами различается в русском языке именно благодаря этим дополнительным нелокативным компонентам в семантике позиционных глаголов.

4. СТОЯТЬ И ЛЕЖАТЬ:

ОСНОВНОЕ ПРАВИЛО СЕМАНТИЧЕСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Рассмотрим подробнее пару *стоять* и *лежать*. Отметим прежде всего, что среди употреблений *стоять* есть зона, не связанная с "конкурентными" употреблениями глаголов местонахождения: *стоять* используется для описания окказиональных неподвижных состояний постоянно движущихся объектов, ср.: *поезд стоит две минуты*, *часы стоят*, *завод/мельница стоит* (в значении 'не работает'), *в городе стоит* ('остановился, не перемещается') *кавалерийский полк* и под. Ни глагол *лежать*, ни глагол *сидеть* не описывают подобных ситуаций, поэтому постоянно движущиеся объекты представляют для нас в данном случае меньший интерес и в дальнейшем игнорируются.

Предметом нашего внимания в первую очередь будут те неподвижные объекты, которые можно было бы назвать "невертикальными", в силу чего они не могут быть уподоблены стоящему человеку. Мы говорим: *посуда стоит на столе*, имея в виду не только стаканы и кастрюли, но и тарелки и сковородки, – объекты абсолютно плоские. Мы говорим: *обувь стоит под вешалкой*, имея в виду не только сапоги и ботинки, но и туфли и тапочки, т.е. тоже более или менее "горизонтальные" объекты. Можно было бы предположить, что здесь важна ориентация верх/низ, и что она в каком-то смысле заменяет вертикальность (эта гипотеза обсуждается и в [Serra Vorneto 1996]). В таком случае, интерес представляют объекты с невыраженной пространственной ориентацией (такие как, например, *лицик*, *коробка* и под.): они имеют нефиксированные размеры и форму, т.е. могут быть и высокими, и плоскими; нет у них и раз и навсегда определенного верха и низа. Оказывается (это подтверждают, в том числе и опросы информантов), что предметы такого рода, находящиеся в одном и том же положении, могут описываться как глаголом *стоять*, так и глаголом *лежать*. Тоже относится к "бесформенному" и "безразмерному" имену *вещь*: в одной и той же ситуации можно в подавляющем большинстве случаев сказать и *вещи стоят*, и *вещи лежат*⁴. С другой стороны, о более или менее круглых

⁴ Более абстрактное имя *предмет* употребляется в локативных конструкциях реже, ср.: *в углу стояли вещи/предметы, на столе лежало много интересных вещей/предметов*, обычно в таких случаях требуется по крайней мере неопределенное местоимение: *в углу стоял какой-то предмет, на столе лежали какие-то (непонятные) предметы*, и т.п. Еще более абстрактное имя *объект* в локативных конструкциях вообще не встречается.

предметах, таких как *мяч* или *камень*, *помидор*, *яйцо* и под. в русском языке говорят только *лежит*. Но даже если считать, что у них нет выраженной вертикальной оси (см. [Serra Bormeto 1996]), нельзя признать у них и существования горизонтальной оси. Тогда почему в русском языке (как и в немецком) в таких случаях употребляется предикат *лежать*? Что заставляет говорящего выбирать то или иное решение?

Нам представляется, что когда говорящий использует глагол *стоять*, он обращает внимание на *функциональность* объекта, и наоборот, в тех случаях, когда используется глагол *лежать*, объект как бы отделен от своей функции. *Стоят*: мебель, лес, корабль в бухте; *лежат*: – зонтик в шкафу, булавки в коробке, лекарства в ящичке, лопаты в сарае и под. Следовательно, для *стоять* важна такая ориентация объекта в пространстве, которая соответствует его *функции*, а для *лежать* – не просто и не обязательно горизонтальное расположение объекта, а такое положение, которое бы *не* соответствовало его функции. В этом отношении идея "правильной" и "неправильной" ориентации в пространстве типа "верх-низ" является очевидным следствием нашего функционального правила: "правильная" ориентация объекта обычно связана с тем его положением в пространстве, в котором он функционирует, в данном случае, используется человеком. Наоборот, "неправильная", неестественная его ориентация в пространстве обычно возникает тогда, когда он находится в "нерабочем" состоянии. С другой стороны, все-таки та или иная ориентация объекта обязательно оправдана функционально, и тогда в качестве условия выбора между *стоять* и *лежать* функциональность оказывается сильнее топологии.

В самом деле, про все, что в шкафу, в сарае, на полке, на свалке – отложено, сложено до лучших времен или выброшено за ненадобностью, – про все это мы говорим *ЛЕЖИТ*. Однако в действительности это не значит, что описываемые объекты непременно сохраняют горизонтальное положение или что ориентация "верх-низ" у них обязательно нарушена. Когда говорят: *Зимой все велосипеды всегда лежат у нас в сарае*, это значит, что они находятся в сарае, но при этом могут стоять, например, прислоненные к стене. Когда говорят: *Наш старый холодильник давно лежит на свалке* это значит, что он находится на свалке, но не обязательно валяется на боку – он может сохранять свое обычное положение, просто он уже не нужен, больше не используется. Более того, про некоторые предметы мы точно знаем, что они именно *СТОЯТ* (т.е. расположены с соблюдением ориентации верх-низ) – например, посуда в шкафу, и тем не менее, по-русски можно сказать также: *Вся новая посуда лежит в буфете* или: *Где у вас лежат тарелки?* Ср. также: *В правом шкафу у нас лежат книги, а в левом – пластинки*. (Пластинки и книги, скорее всего, конечно *СТОЯТ* в шкафу, но у говорящего есть возможность употребить и глагол *лежать*). Наоборот, если взять такой достаточно "горизонтальный" предмет, как мыльница, то окажется, что предложение с глаголом *стоит* (*моя мыльница стоит на полочке*), вполне допустимо, так как оно описывает функционально значимое положение объекта – ср. *мыльница лежит** *стоит* в чемодане.

Бессспорно, данный нелокативный – функциональный – компонент значения возникает именно потому, что в языковой картине мира (по крайней мере для русского языка) существует представление, что стоя человек работает, движется, живет, а лежа – отдыхает, спит, болеет, умирает, и, таким образом, топология все равно оказывается исходной, а картина употреблений *стоять* и *лежать* – целиком антропоцентричной, т.е. ориентированной на человека. Однако синхронно, на наш взгляд, семантической доминантой для *стоять* и *лежать* является скорее не локативная, а функциональная составляющая. Именно она объединяет существующие употребления *стоять* и *лежать* и втягивает в их орбиту новые контексты.

5. НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ

В подтверждение высказанной гипотезы рассмотрим следующие примеры⁵.

И лодка, и в особенности плот представляют собой горизонтально ориентированные предметы; однако, если по-русски говорят *плоты* или *лодки лежат*, это значит, что они сложены *на берегу*. Про находящиеся в воде лодку или плот скажут *стоит*, ср.

Лодки / плоты стоят у причала;

Брошенные спасателями лодки стояли посредине реки у остова потонувшего судна.

Это довольно существенный довод против чисто топологической интерпретации *стоять* и *лежать*. Дело в том, что ни размеры, ни ориентация объекта здесь не меняются: про *один и тот же* объект в процессе его функционирования скажут *стоит*, а вне его – *лежит*, причем здесь, в отличие от ситуации с ящиками или коробками никакого произвола говорящего нет, так как эти употребления жестко закреплены в языке, ср.:

?? *Лодка стояла на берегу;*

* *Брошенные спасателями лодки лежали посредине реки.*

Совершенно также ведет себя существительное *крышка*: про крышку, которой закрыта кастрюля, никогда не скажут *лежит*: сочетание *крышка лежит* описывает только нефункциональное положение крышки (например, на столе, отдельно от кастрюли, в перевернутом положении).

Рельсы железнодорожного полотна тоже расположены горизонтально, тем не менее предложение *прямо перед паровозом лежали (новенькие) рельсы* мы интерпретируем не так, что оно соответствует ситуации, когда на этих рельсах стоит поезд и собирается по ним ехать (функциональная интерпретация: рельсы в рабочем состоянии), а, скорее, как то, что рельсы по какой-то причине были свалены перед паровозом, преграждая ему путь (нефункциональная интерпретация).

Следующая группа примеров касается глагола *лежать* в применении к живым существам. Большинство животных, как мы уже говорили, в языке уподоблено человеку, и их положения в пространстве как бы приравниваются к положению человека. Но насекомые, птицы и некоторые мелкие животные оказываются не похожи на человека: наиболее характерное их положение в покое описывается глаголом *сидеть*, а не *стоять* (см. об этом подробнее ниже), ср. *ласточка сидит на ветке; пчела/жук/бабочка сидит на подоконнике*. Ср. также предложение *на листе сидела гусеница*, возможное несмотря на то, что гусеница вытянута на листе горизонтально. Как видим, глагол *лежать* не применим к описанию *живых* насекомых, птиц и проч., независимо от того, к какому топологическому типу они относятся⁶. Сочетания же *жук/гусеница/червяк лежит* описывают умершие существа (и, тем самым, вкладываются в зону употреблений *лежать*).

Любопытный случай – сочетаемость свойства слова *пластырь*. Вообще говоря, пластырь представляет собой яркий пример плоского горизонтального объекта, идеально подходящего по своим топологическим свойствам для глагола *лежать*, и тем не менее, ситуация, в которой пластырь "работает", т.е. приклеен, закрывает рану на коже, именно в силу своей функциональности, никогда не может быть описана как: **(у него на руке) лежит пластырь*.

Обратим внимание, что последние примеры образуют весьма своеобразную группу языковых объектов: для них не существует способа описать их положение в прост-

⁵ Наши примеры получены в результате работы с базой данных "Лексикограф. Предметные имена" (см. [Красильщик, Рахилина 1992]; о проекте "Лексикограф" см. также [Кустова и др. 1993]).

⁶ Некоторые информанты указывают на возможность употребления *лежать* для описания неподвижных змеи, черепахи или крокодила. Интересно, что в тех же случаях часто возможно и употребление глагола *сидеть*, ср.: *На песке лежал / сидел крокодил и смотрел на нее грустными глазами.*

ранстве, когда они находятся в "рабочем" состоянии. Действительно, все эти объекты слишком горизонтальны, чтобы к ним можно было применить предикат *стоять*, и слишком "активны", чтобы к ним был применен предикат *лежать*.

И словари, и грамматики отмечают в качестве характерных употребления *лежать* для описания видимых нами как бы с высоты больших неподвижных объектов, в каком-то смысле "пространств". *ЛЕЖИТ: море, степь, равнина, пропасть, ущелье, горы* (NB!); *город, крепость, развалины* и др. Однако и про горы, и про город, и про крепость, и даже про развалины (т.е. про все сколько-нибудь возвышающиеся объекты) можно сказать и *СТОИТ*, если сделать акцент на их существовании/функционировании. Когда говорят *Перед нами стояли развалины крепости* (при возможном ...*лежали...*), это значит, что хотят подчеркнуть, что крепость еще в каком-то смысле функционирует – например, воспринимается в качестве препятствия на пути. Последнее осмысление встречается, пожалуй, наиболее часто, ср., например, *Перед нами стоял бушующий океан* и мн. др. Отметим здесь, что в отличие от множественного *горы* единственное число *гора* в русском языке не концептуализуется как "пространство".

С другой стороны, все, что предназначено для использования, скорее описывается глаголом *стоять*. Обратим внимание на некоторые интересные случаи.

О цветах говорят, что они *стоят*, не тогда, когда они растут, а тогда, когда они поставлены в вазу. Ср., однако, *деревья стоят/лес стоит* (о растущих деревьях).

Вещества тоже могут описываться глаголами *стоять* и *лежать*: так, соль, сахар, мука *стоят* на столе, упакованные в пачки или пакеты (происходит метонимический перенос *пакет стоит* → *соль/сахар стоит*; такой же перенос возможен и для глагола *лежать*). Однако насыпанные горкой соль или сахар не описываются ни глаголом *стоять*, ни глаголом *лежать*. Выражение *вода стоит* подразумевает, что вода представляется действующим лицом, способным двигаться – опускаться, подниматься, уходить, ср.: *Вода ушла из колодца, Вода стоит высоко, В канаве стоит вода*, но ²*В стакане / в море стоит вода*, и под.

Пыль *лежит* на столе и *стоит* в воздухе: в последнем случае она "работает" – "пылит". Точно так же объясняются сочетания *стоит дым* (*пар, чад, запах*), а также *мороз, жар, тишина, скука, холод, крик, выбор, вопрос, задача, проблема*, и даже *полдень / март*; ср. также *Ее лицо стояло в памяти / передо мной; стоит костью / как кость в горле*.

Точка (и другие знаки препинания), печать и подпись *стоят* – тоже в функциональном смысле⁷.

Тени, будучи отброшены, разумеется, *лежат* (*на стенах, на полу* и даже *на потолке*). При этом ни луна, ни солнце, ни звезды, конечно, не лежат, а исключительно *стоят* на/в небе: именно в этот момент они максимально освещают Землю.

О деньгах всегда говорят *лежат*: в банке, на книжке, в кошельке, в кассе, в гumbочке. В русском языке нет представления об их рабочем состоянии (можно, правда, упомянуть такие глаголы, как *обращаться* и особенно распространившееся в последнее время *крутиться*).

Предложение *Рукопись лежит в редакции* означает, что по каким-то причинам ей нет ходу, она не печатается. Аналогично интерпретируется и сочетание *лежать под сукном*.

⁷ Особое употребление представлено в: *Печать усталости лежала на ее лице*. Оно описывает неконтролируемое состояние человека, которое он может не проявлять и в отдельных случаях даже не ощущать, ср.: *Она весело болтала с нами, живо реагировала на все происходящее, но на лице ее лежала печать усталости и глаза ее не смеялись*. Ср. здесь осознанное и в каком-то смысле контролируемое состояние, описываемое как: *Тревога стояла в ее глазах* = *Ей было тревожно; ее глаза передавали тревогу*

Как мы уже говорили, функциональная составляющая стоять и нефункциональная *лежать* имеется и в тех сочетаниях, когда эти глаголы характеризуют имена лиц; во многих случаях эти составляющие трудно разглядеть, но в сочетаниях типа *стоять в обороне* (= 'обороняться' / *на посту, стоять на своем, стоять насмерть*, и наоборот, *лежать на боку / в обмороке / без чувств / без памяти* они, как представляется, достаточно очевидны.

ЗАМЕЧАНИЕ. В русском языке *стоять* не описывает положение частей, пусть и вертикальное, если они концептуализуются именно как части, а не как отдельные объекты, ср. ?*посреди палубы стоит мачта; *на башне стоял высокий шпиль; *верхняя ветка / макушка дерева стояла на высоте трех метров* и т.п.; ср. однако возможное: *посреди участка уже стоял фундамент* (фундамент представляется как самостоятельный объект) или: *обе его ноги стояли на верхней ступеньке* (ноги видятся как бы отдельно от человека). Стандартным средством описания "выпирающей", в том числе и вверх, части объекта, является глагол *торчать*. Конечно, есть случаи, когда одна и та же картина может быть описана и с помощью *стоять*, и с помощью *торчать*, ср.: *прямо посреди фабричного двора стояла / торчала невыразимо ржавая труба*. В первом случае мы думаем об этой трубе как об отдельном, независимом предмете определенной конфигурации, соответствующей его предназначению, а во втором – как о части двора, нарушающей, так сказать, его "ровность".

6. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ГЛАГОЛА СИДЕТЬ

Перейдем теперь к рассмотрению глагола *сидеть*. Мы уже говорили, что *сидеть* применимо к птицам и насекомым: бабочка, муха, паук *сидят* – в том случае, если они неподвижны и опираются на свои конечности. Такое языковое поведение отличает соответствующие лексемы от имен животных, которые, как мы знаем, обычно уподобляются человеку и различают разные положения в пространстве. Однако в русском языке так ведут себя далеко не все животные. Например, про мышшь или крысу никогда не скажут *стоит*: *Посреди комнаты сидела** *стояла мышшь*. Про белку тоже не говорят *стоит*, даже если она и замерла, "стоя" на четырех лапах. Крыса, мышшь, белка, еж, хомяк, бурундук – все это "быстрые", с точки зрения носителя языка, постоянно движущиеся, звери (так же, как насекомые и птицы) – они редко бывают неподвижны, и в этот момент они как бы замирают, застывают. Вот это **фиксированное** положение и характерно для семантики *сидеть*.

Действительно, *гвоздь в стене, топор на топорище, пробка в бутылке, луковица/репка в земле, хорошо пригнанная одежда, пирог в печи* представляют собой примеры **фиксированного, неизменно неподвижного** состояния и описываются глаголом *сидеть*. Эта же составляющая *сидеть* определяет интерпретацию следующих примеров:

Сосед-помещик сидит в деревне

Целый месяц сижу дома: ни в театр, ни на концерт

На работу она не ходит: сидит с ребенком

Два дня сидим без хлеба: лень выйти

Не сиди без дела, займись чем-нибудь

Нельзя слишком долго сидеть на диете / на одних фруктах

Данные сочетания имеют в качестве субъектов людей, однако ни одно из них не предполагает буквально их "сидячего" положения. Речь идет только о неизменности того положения, которое описывается: так, помещик долго не выезжает за пределы деревни, т.е. все время находится в деревне; в доме нет хлеба, и он почему-то не

покупается, так что состояние "быть без хлеба" сохраняется два дня; человек ограничивает свое питание (например, фруктами), т.е. добровольно не ест ничего другого, и это состояние не меняется и т.д.⁸. Такого рода неизменность состояния может, конечно, быть и вынужденной, ср.: *сидеть в тюрьме, под арестом, в осаде*. Семантический компонент неизменности позволяет объяснить и "дальнюю периферию" *сидеть*: *сидеть на бобах, сидеть в четырех стенах, сидеть как именинник, сидеть (гвоздем) в голове, сидеть в девках*. Еще одно интересное сочетание – *глаза сидят на лице*. Обычно это говорят в том случае, когда глаза *глубоко сидят*, и поэтому как бы более фиксированы.

Интересно, что, в отличие от *стоять* и *лежать*, *сидеть* обязательно требует указания на местонахождение субъекта. На наш взгляд, этот синтаксический факт вписывается в представленную выше семантическую картину позиционных предикатов: фиксированность *где-то*, в рамках определенного пространства или ситуации для *сидеть* vs. функциональность (вообще говоря, нелокализованная) для *стоять* и полная нефункциональность для *лежать*.

7. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Возвращаясь к поставленному в начале работы вопросу о том, является ли русский язык в отношении своих позиционных предикатов классифицирующим или универсальным, обратим внимание на то, что ответить на него, вообще говоря, нельзя – потому что в русском языке настоящих позиционных предикатов, как оказывается, нет. Более того, уже самые предварительные результаты лексико-типологической анкеты показывают, что основные семантические доминанты рассмотренных глаголов в принципе могут, хотя бы частично, сохраняться или воспроизводиться в других языках. Заслуживает внимания и идея о связи функциональности не только с "вертикальным" стативом, но и с вертикальным измерением вообще, обсуждающаяся в [Ekberg 1995]. Лексико-типологическому аспекту описания мы надеемся посвятить отдельное исследование.

8. ПОСЛЕ ПОСЛЕСЛОВИЯ: ГЛАГОЛ *ВИСЕТЬ*

Глагол *висеть* не входит в тройку *стоять-сидеть-лежать*, потому что не взаимозаменяем с ними – он имеет в русском языке свою "семантическую нишу", описывая особого рода состояние объекта: 'держаться на чем-либо, без опоры снизу, быть прикрепленным к чему-либо, имея возможность движения в стороны' [МАС]. Вместе с тем, он тоже описывает местоположение объекта, как бы замыкая эту группу основных русских позиционных глаголов, и поэтому безусловно имеет право быть рассмотренным наряду со *стоять*, *лежать* и *сидеть*⁹. Самое интересное однако в том, что и глагол *висеть* не является в русском языке в чистом виде глаголом местоположения. Доказательству этого мы и посвятим последний раздел нашей статьи.

Как кажется, зона 'висеть' в русском языке легко распадается на три группы ситуаций: во-первых, ситуации, если так можно сказать, "законного висения" – когда

⁸ Нам кажется, что и в тех случаях, когда реальное "сидение" все же имеет место (ср., например, *сидеть за уроками/чертежами/диссертацией/работой*) семантический компонент неизменности, фиксированности состояния также реализуются, ср.: *целый день сидел за уроками, десять лет просидел над диссертацией*. Характерны в этом плане и русские "сериальные" синтаксические конструкции (на которые наше внимание обратил Даниэль Вайс, ср. также [Гак 1988: 153]) со значением прогрессива (т.е. актуальной деятельности, заполняющей некоторый сплошной неограниченный промежуток времени), ср. *сидит пишет, стоит курит, лежит читает*. Представляется, что степень грамматикализации *сидеть* в этих контекстах наибольшая, ср., с одной стороны *стоит думает* (обязательно стоят) и, с другой стороны, *сидит думает* (вообще говоря, не обязательно сидит, но обязательно "непрерывно").

⁹ Идеей добавить к *стоять*, *лежать* и *сидеть* еще и *висеть* мы обязаны Ю.Д. Апресяну.

объект имеет специальное приспособление, чтобы держаться без опоры, будучи прикрепленным к чему-то. Так висят корзины и ведра (на ручках), лампы (на шнурах), качели, люльки, ружья, одежда (на крючке или вешалке), веревка, занавеска, а также зеркало, книжная полка, объявление, таблица, афиша (на гвоздиках, кнопках...) и т.п.

Вторую группу образуют ситуации, при описании которых оказывается, что *висеть* для данного объекта почему-то плохо: плохо, когда *одежда висит на человеке*, или когда *пуговица висит на пальто*, а также когда *парус или флаг висит на мачте/деревке*. Что-то неправильное есть и в том, что *на собаке шерсть висит клочьями* или у кого-то в углу *рта висит папироса*; даже когда *провода висят* – происходит что-то неладное (например, обрыв связи). Однако во всех этих случаях **денотативно** ничего особенного с точки зрения канонической ситуации 'висения' не происходит: действительно, чем, собственно, отличается 'висеть на вешалке' от 'быть надетым на человека' применительно, скажем, к пиджаку? С точки зрения пиджака это, наверное, все равно. А вот с языковой точки зрения это совершенно разные вещи, иначе бы мы не говорили *пиджак висит на нем, как на вешалке*, имея в виду, что пиджак должен, видимо, делать что-то другое. Что же? Пока не ясно.

Третью группу составляют ситуации, которые, вопреки всем нашим ожиданиям (основанным на представлении о *висеть* как о глаголе местоположения в пространстве – примерно том, что зафиксировано в МАС) вовсе не допускают описания с помощью глагола *висеть*. Так, по-русски не говорят:

* *На ней висели бусы,*

хотя говорят:

На елке висели игрушки.

Не говорят даже и:

* *На ней висели серьги!?? у нее в ушах висели серьги*, при том, что совершенно допустимо:

В носу у вождя людоедов висело огромное золотое кольцо.

Или:

Шляпа его была насквозь мокрая, а на длинном носу висела большая дождевая капля.

Плохо сказать *висеть* и применительно к "висящим" орденам и медалям:

?? *А на груди его висела медаль за город Будапешт.*

Нельзя описать с помощью глагола *висеть* и бутоны цветов на стеблях, даже очень крупные:

* *На стеблях висели огромные бутоны роз.*

(несколько лучше, может быть, дело обстоит с (крупными) фруктами:

? *на всех деревьях уже висели яблоки и груши/кокосы* вишни* орехи).*

И уж совсем невозможно:

* *На самом крупном быке висело ядро.*

Висит не говорят и про маятник остановившихся часов, и про гитару левца (* *На Высоцком всегда висела гитара*), и про очки на носу.

В том же ряду можно привести и следующий пример (принадлежащий Ю.Д. Апресяну): по-русски нельзя сказать * *Обои висят на стене*. Поместим вместо куска обоев белый лист – уже лучше, но идеально с *висеть* будет почему-то согласовываться ситуация, когда на этой бумаге что-то изображено – например, таблица Менделеева; предложение *На стене висит таблица Менделеева* совершенно безупречно (в отличие от предыдущего, которое, однако, с "топологической" точки зрения описывает абсолютно аналогичную ситуацию).

Итак, во всех этих примерах объект 'висит' не хуже, чем в других случаях, представленных, например, в первой группе. Кроме того, практически для каждой из этих ситуаций есть близкая, где *висеть* абсолютно уместно. В чем же здесь загадка?

Наша гипотеза сводится к тому, что толкование МАС верно, но неполно – оно "упускает" некоторый компонент, который в определенных случаях оказывается необходимым для порождения предложений с *висеть*.

В канонических примерах первой группы объект, который держится на весу без опоры, тем самым *независим* от других объектов – коллизия, следовательно, возникает в тех случаях, когда этот объект, с одной стороны, находится в положении в пространстве, удовлетворяющем всем критериям 'висеть', а с другой стороны, по самой своей природе (с точки зрения языка) связан с какими-то другими объектами, т.е. *не независим*.

Простой случай языковой связи объектов – отношение часть/целое: например, маятник часов, дверь в дверной коробке (коробка, конечно, с точки зрения языка – часть двери), древко и полотнище флага (флаг), бутоны цветов и др. В этом случае либо *висеть* невозможно (третья группа примеров, ср., например, маятник, бутон), либо оно возможно, но тогда описывает *нарушенную связь части с целым*, отсюда компонент отрицательной оценки во второй группе примеров (ср. *флаг висел на древке, дверь висела в проеме* 'плохо пригнана – видимо, плохо закрывается'; ср. здесь также: *шерсть висит клоچьями, волосы висят* – обычно – *какими-то*) *пряжками*, т.е. как чужие; ср. еще: *руки висят как плети* – т.е. как посторонние, независимые от человека предметы).

Сложный случай языковой связи объектов описан нами в статье [Воронцова, Рахилина 1994], где речь шла о том, что помимо частей/целых и отдельно существующих друг от друга объектов есть еще один, в каком-то смысле промежуточный класс отношений – отношение между объектом и его *дополнителем*. Отношение дополнительности связывает чашку и блюдце, нитку и иголку, наволочку и подушку, ключ и замок, крышку и кастрюлю и мн. др., а также человека и его одежду, украшения, такие "мелочи" как очки, часы, трубка и проч. – т.е. такие объекты, которые сосуществуют друг с другом, совместно функционируют, но ни один из них при этом не является частью другого.

В [Воронцова, Рахилина 1994] было показано, что русский язык выделяет подобные не-части-и-не-целые специальными средствами: так, в отличие от частей/целых, они не вступают в генитивную конструкцию (ср.: *блюдце чашки, ключ замка* и др.), но зато обычно допускают конструкцию с *от* (ср. *блюдце от чашки, ключ от замка* и под.). Кроме того, для них характерна нестандартная интерпретация локативных конструкций с предлогом *на* или *в*, а также комитативной конструкции с предлогом *с*. Примерами могут служить такие сочетания, как *наволочка на подушке* (не в значении 'находиться сверху', а в значении 'быть надетой на') или *замок на двери* – опять-таки, не 'находящийся на поверхности', а 'прикрепленный совершенно определенным способом'. Комитативные сочетания с дополнителями типа *человек с трубкой/с орденом* также интерпретируются иначе, чем стандартное *человек с газетой*, т.е. не так, что 'человек держит трубку/орден в руке', а что 'курит трубку'/'носит орден'; аналогично, *чашка с блюдцем* или *ваза с цветами* интерпретируются не обычным образом, т.е. не так, что 'чашка находится рядом с блюдцем' или 'ваза находится рядом с цветами', как это естественно для стандартных сочетаний типа *ручка с карандашом, вилка с ложкой, книжка с тетрадкой* и мн. др., а как 'чашка стоит на блюдце', 'цветы стоят в вазе'.

Абсолютно однородного класса – с лингвистической точки зрения – дополнители не образуют, потому что они "нарушают правила поведения" в разных конструкциях (ср. предметы одежды – они ведут себя канонически в конструкции с предлогом *с*: *мальчик с кепкой* значит 'тот, который держит кепку в руке', но зато имеют особую конструкцию с предлогом *в*: ср. *женщина в галстуке, бабушка в галошах*). Кроме того, "нарушает правило" каждый дополнитель по-своему, так что предсказать семантическую интерпретацию нестандартной конструкции каким-то единым образом нельзя. Общим их лингвистическим свойством является, скорее, сама нестандартность

поведения в паре – причем эта нестандартность в принципе хорошо объяснима. Действительно, если два эти объекта определенным образом связаны функционально, они, в частности, имеют устойчивое расположение друг относительно друга – так сказать, "взаимную топологию", поэтому предложные конструкции – прежде всего локативные и комитативные – отражают именно это их наиболее естественное взаимоположение, а оно, конечно, для каждой пары задается конкретной ситуацией взаимодействия, и поэтому индивидуально.

В [Воронцова, Рахилина 1994] уже было отмечено, что эта индивидуальность поведения сближает дополнители с частями, в том числе и лингвистически: ведь у частей /целых тоже индивидуальная "взаимная топология" и они тоже ведут себя нестандартно в локативных и комитативных конструкциях (ср. здесь такие сочетания, как *ручка на чашке почему-то другого цвета*; *шнур на лампе перекрутился* [не 'на поверхности']; *чайник с носиком или без?* [не 'рядом'] и мн. др.). Случай с *висеть* – еще один пример такого сближения. Объект и его дополнитель – так же, как и часть с целым – тоже оказываются *связанными* друг с другом, и в контексте этого глагола ведут себя аналогично: либо запрещают такого рода сочетания, либо подчеркивают ущербность ситуации. Например, **ярмо висит на быке* – невозможно, так же как **ордена висят* или **гитара висит*, а *одежда на нем висит* подчеркивает своего рода "отделенность" человека от его одежды (ср. *как на вешалке* – т.е. как на постороннем, не связанном с одеждой отношением дополнительности, объекте). Точно также ведут себя сочетания *папироса висела в углу рта* ("неправильная" ситуация: папиросу не курят, она посторонний объект), *паруса/провода висели на мачтах/столбах* – только в "нерабочем" состоянии и др.

Разумеется, пример *на елке висят игрушки* допустим в русском – потому что елка и игрушки – разные, независимые, друг от друга объекты. Другое дело – украшения человека, находящиеся с ним в отношении дополнительности. В самом деле: игрушки на елку можно вешать как угодно, каждый раз выбирая новое пространственное соотношение, но бусы нельзя повесить на руку, а браслет – на шею (а если такая нестандартная ситуация случится, ее как раз и можно будет описать с помощью предиката *висеть*: *у нее на ухе почему-то висел мой браслет*). Употребить здесь *висеть* – значит разорвать привычную связь между объектом и его дополнителем. Именно это происходит в приведенном выше примере с вождем людоедов, где глагол *висеть* подчеркивает кольцо скорее как неуместный посторонний предмет в носу, нежели как украшение (ср. также пример с каплей дождя, которая является посторонним предметом и по самой своей природе).

Рассмотрим теперь пример Ю.Д. Апресяна в рамках нашей гипотезы. Обои, действительно, являясь дополнителем, не должны *висеть* на стене, потому что не могут считаться по отношению к ней независимым объектом. Однако лист бумаги, конечно, уже объект посторонний, и тем более, если на нем нарисована таблица Менделеева. Сказать: *таблица Менделеева висит* – пусть даже она нарисована на том же куске обоев – значит признать этот кусок бумаги (обоев) *отдельным независимым* объектом и выразить это обстоятельство языковыми средствами.

Таким образом, существенным для семантики глагола *висеть* является сильный *нелокативный* компонент его значения 'независимость объекта'¹⁰; присутствие нелокативного компонента "роднит" *висеть*, как мы показали в этой статье, с другими русскими позиционными глаголами – *сидеть*, *стоять* и *лежать*. Впрочем, как мы уже знаем, чисто позиционными – т.е. обозначающими положение в пространстве – их как раз и нельзя назвать.

¹⁰ Идея 'возможности свободного движения в стороны', угаданная МАС, является, по-видимому, следствием этой семантической составляющей (частным, но не обязательным)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д.* 1995 – Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл" ↔ "Текст" // Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Варонцова М.И., Е.В. Рахилина* 1994 – Предметные имена и предложные конструкции // Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. М., 1994.
- Гак В.К.* 1988 – Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1988.
- Кравченко Н.А.* 1996 – Семантика стивных глаголов в русском языке. Дипломная работа. М., 1996.
- Красильщик И.С., Рахилина Е.В.* 1992 – Предметные имена в системе "Лексикограф" // НТИ. сер. 2. № 9. 1992.
- Кустова Г.И., Пидучева Е.В. и др.* 1993 – Словарь как лексическая база данных: об экспертной системе "Лексикограф" // НТИ. сер. 2. № 11. 1993.
- Плузган В.А., Романова О.И.* 1990 – Именная классификация: грамматический аспект // ИАН. СЛЯ. 1990. № 3.
- Sienki A.* 1996 – 19-th and 20-th century theories of case: a comparison of localist and cognitive approaches // *Historiographia linguistica*, 22, 1996.
- Ekberg L.* 1995 – The mental manipulating of the vertical axis: how to go from "up" to "out", or from "above" to "behind" // *Proceedings of the ICLC 1995*.
- Hawkins B.W.* 1988 – The natural category MEDIUM: An alternative to selection restrictions and similar constructs // В. Rudzka-Ostyn (Ed.), *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam, 1988.
- Serra Borneto C.* 1966 – *Liegen* and *stehen* in German: a study in horizontality and verticality // E.H. Casad (Ed.), *Cognitive linguistics in the redwoods: the expansion of a new paradigm in linguistics*. Berlin, 1996.
- Talmy L.* 1983 – How language structures space // H. Pick, L. Acredolo (Eds.), *Spatial orientation: theory, research, and application*. New York, 1983.